

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ФИЛОСОФИИ А. ДАНТО

В.П. Потамская

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2022

DOI 10.46573/2409-1391-2022-3-10-16

***Аннотация.** Указывается, что ключевым концептом философии истории А. Данто являются нарратив и нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Обращаясь к проблеме репрезентации, в том числе и исторической, Данто рассматривает язык как находящийся во внешних отношениях с реальностью в ее целостности: с одной стороны, существует мир, а с другой стороны – язык, используемый для говорения о нем. Отмечается, что способы репрезентации мира входят в объяснение действий, так как люди будут действовать по-разному в условиях, которые отличаются постольку, поскольку различаются их репрезентации. Язык репрезентации отличает интенциональный контекст, который обладает следующей особенностью: слова, которые используются в данных высказываниях, не соотносятся с тем, с чем они обычно связываются в неинтенциональном дискурсе.*

***Ключевые слова:** история, репрезентация, философия истории, нарратив.*

Артур Данто (1924–1930) – философ, арт-критик, искусствовед. Впервые с аналитической философией Дантопознакомился в Колумбийском университете, рассматривая ее как правильный стиль философствования, содержащий четкое представление о структуре мысли, в которой элементы соединены почти как части анатомического строения организма. Несмотря на ориентацию, прежде всего, на аналитическую традицию, можно говорить об определенном влиянии континентальной философии на развитие его философских ориентаций. Во-первых, философ стремился представить обширную систему репрезентаций мира, состоящую из 5 частей: «Аналитическая философия истории», «Аналитическая философия действия», «Аналитическая философия знания», «Аналитическая философия искусства» и «Аналитическая философия сознания». «Это было бы очень по-европейски. Моя собственная модель пятитомной жизни причины Сантаяны» [11]. Подобное стремление к тотальности философского охвата шло вразрез с основными принципами аналитической философии. Однако при анализе явлений Данто использует аналитическую методологию, заключающуюся в исследовании концептов и структур, понимаемых как часть системы [1, с. 144]. Во-вторых, он сыграл определенную роль в исследовании воззрений Ф. Ницше и Ж.П. Сартра, которых он часто характеризовал как оказавших интеллектуальное влияние на формирование его как философа.

В работах «Преобразование обыденного» и «После окончания искусства», Данто, по его собственной оценке, в некотором смысле адаптировал философию искусства к философии истории, рассуждая о «конце искусства», имея при этом в виду окончание определенного нарратива, который завершился, когда искусство переросло, как это и предвидел Г.В.Ф. Гегель, в философию [2, с. 249]. Кроме того, в поздних работах он более снисходительно относился к субстантивному философу, чем в 1965 г., не поддерживая ранние утверждения о том,

что такие философы как являются принципиально неправомерными. До обращения к философии искусства, Данто различал два вида философии истории: субстантивную и аналитическую. Субстантивная философия истории связана с обычным историческим исследованием, поскольку философ-субстантивист, как и историк, занимается описанием произошедшего в прошлом. Помимо описания прошлого, субстантивная философия представляет собой попытку обнаружить некую теорию исторического развития во всей ее целостности и претендует на то, чтобы дать описание прошлого, настоящего и будущего. Представители субстантивной философии истории стремились рассказать историю еще до того, как она произошла и именно это является фундаментальной ошибкой данного типа философского мышления. Своим квазикантианским поворотом аналитическая философия истории исключает то, что Данто называет субстантивной философией [5, с. 166–167]. Аналитическая философия применяется для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии [16, р. 198–199].

Данто предлагал аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследовался логический статус исторических высказываний. Он отмечал, что история может быть написана только с ретроспективной позиции в свете последующих событий, т.е. выбор начала нарратива определяется прошлым. Ключевым концептом его философии истории являлся нарратив и нарративные предложения, наделенные двумя основными функциями: описание и объяснение. Нарративные высказывания являются центральными для способа описания мира, будучи, тем самым, историческими и предполагающими исторический образ мышления. Нарратив сам по себе не может быть верифицируем, поскольку он является продуктом сознания историка, поэтому двумя основными критериями его оценки являются внутренняя согласованность и связность доказательств. Однако утверждения на уровне факта могут быть верифицированы на основе доступных свидетельств о прошлом. Историческое понимание заключается в постижении произошедшего с временной перспективы, оно доступно только посредством рассмотрения прошлого с позиции будущего, которое недоступно, когда прошлое было настоящим.

Рассматривая нарратив как форму объяснения, он стремился продемонстрировать, что написание истории коррелирует с любой другой аналитической попыткой объяснения, и не исключал возможность истинности высказываний о прошлом на уровне репрезентации. Сохраняя идею объяснения в истории через использование общих законов, он хотел преобразовать ее для возможного применения в истолковании событий прошлого. Функция объяснения была экстраполирована с общих законов на нарратив. Цель историка, в свою очередь, состоит не в создании совершенного полного описания, а в том, чтобы предложить понимание произошедшего, не упустив важных деталей. При этом не всегда возможно определить, какой общий закон используется в повествовании. Это достигается посредством либо простого переописания события, либо включения события в другой, более объемный рассказ и его переописания в границах этого повествования [4, с. 246–247].

По словам Данто, именно искусство спровоцировало его движение от аналитической философии истории, поскольку изначально он хотел стать художником. «Увлечение философией вспыхнуло намного, намного позже, здесь, в Нью-Йорке, куда я переехал будучи студентом университета» [3, с. 109]. В «Преобразовании обыденного» Данто поднимал проблему репрезентации, в т.ч. и исторической, рассматривая язык как находящийся во внешних отношениях с реальностью в ее

целостности. Другими словами, с одной стороны существует мир, а с другой стороны – язык, используемый для говорения о нем. Философ являлся сторонником субституциональной теории репрезентации. Подобная репрезентация отсылает к онтологическим и эпистемологическим сферам отображаемого. Репрезентации состоят в семантических связях с тем, что они репрезентируют, вместо того, чтобы быть идентичными с ним [6, р. 293].

Мир представляет собой стратифицированную систему репрезентаций, и проблема истории состоит в том, что определенные репрезентации не могут быть созданы в определенное время (и, хотя они могут быть образованы в другое время, они, возможно, не всегда могут быть реализованы в нем) [12, р. 76]. Человек также представляет собой систему репрезентаций, пути рассмотрения мира, воплощаемые репрезентациями. «Стиль человека, использую прекрасную мысль Шопенгауэра, – это физиогномика» [14, р. 205]. Взгляд Данто, таким образом, является продолжение тезиса Ч. Пирса о том, что человек является следствием его языка, потому что человек – это символ. Культурные установки являются прозрачными для тех, кто их придерживается; человек рассматривает мир посредством них, но не обращается к ним самим. Но данные установки являются непрозрачными для других, поскольку они не репрезентируют мир посредством них, но видят сами убеждения.

Способы репрезентации мира входят в объяснение действий, так как люди будут действовать по-разному в условиях, которые отличаются постольку, поскольку различаются их репрезентации. Подобные репрезентации изменяются от одного исторического периода к другому, от одной культуры к другой, и даже от человека к человеку, таким образом, являясь частью того, что усложняет поиск законов человеческого поведения и причин, почему эти законы не могут быть легко генерализованы вне эпохи [10, р. 189]. К примеру, на убеждения историка неизбежно влияют его язык и концепция прошлого. Историк рассуждает о событии, основываясь на собственных эстетических и этических установках, тем самым подвергая события определенной ценностной оценке. Репрезентации создаются с точки зрения историка, устанавливающего связь между историческими фактами и настоящим. Следует отметить, что и дескрипции являются исторически обусловленными. Человек, по сути «совершенно и безоговорочно» является историческим существом. И различные представления, и законы также являются исторически определенными

Язык репрезентации отличает интенциональный контекст, который обладает следующей особенностью: слова, которые используются в данных высказываниях, не соотносятся с тем, с чем они обычно связываются в неинтенциональном дискурсе. Они соотносятся, скорее с формой, в которой явления репрезентируются, и включают в условия их истинности некоторые отсылки к репрезентации. Таким образом, «когда мы говорим, что М верит, что Фреге является великим философом, это не аналогично тому, что М полагает, что автор "Begriffsschrift" является великим философом, хотя автором этого произведения является Фреге. Это не так, потому что человек может не знать, что Фреге написал эту книгу, хотя он может знать эту вещь и быть убежденным, что ее автор является великим философом» [14, р. 181–182]. Истинность высказываний в интенциональном контексте определяется не только тем, что они говорят о мире, но также тем, как они сформулированы. Наиболее впечатляющее следствие утверждения Данто об интенциональности исторической репрезентации, по мнению Ф. Анкерсмита, состоит в том, что она предполагает истинность. Если истина исторической репрезентации является интенциональной, из этого следует, что в истории истина всегда является постфактум, поскольку она неразрывно соединена с исторической репрезентацией и историческая репрезентация связана с исторической перспективой.

Размышляя над восприятием истории Ницше и идей, что вспоминание и забывание переплетены с существованием, а история – способ бытия, измерение онтологии, Данто добавлял следующее: существовать исторически – это быть осведомленным о том, каким образом прошлое является иным, нежели настоящее. Хотя Анкерсмит подчеркивает трагический характер исторической истины, возникающей, когда «мы можем говорить только о том, в чем мы больше не существуем», Дантоне разделял подобного трагизма относительно истории, восхищаясь современным миром и не испытывая ностальгии [17, р. 196].

С понятием репрезентации коррелирует проблема метафорического выражения. По мнению Данто, концепт выразительности может быть сведен к концепту метафоры, в которой способ изображения рассматривается относительно отображаемого предмета [14, р. 197]. Поскольку существует определенный контраст между миром и реальностью, метафора используется в качестве средства высказывания о каком-либо явлении [7, р. 74]. Подобно использованию метафоры, историк сознательно отбирает текст, предлагаемый как средство репрезентации прошлого, и это подразумевает исключение всех альтернативных вариантов.

По мнению Анкерсмита, Данто отрицал традиционные эмпирические и эпистемологические воззрения относительно соотношения мира и исторической репрезентации. Отрицание эмпиризма заключается в следующем: философ замечает, что репрезентируемое не существует без его репрезентации, а репрезентация прошлого, в свою очередь, не может быть верифицируема. Кроме того, репрезентация даже может предшествовать репрезентируемому (к примеру, возможность обсуждения Ренессанса возникает только после его репрезентаций, поскольку Ренессанса, самого по себе, не существует вне репрезентаций). Аналогичным образом дело обстоит с отрицанием эпистемологии. Во-первых, отрицается эпистемологическая идея концептуальных схем как условия существования исторической репрезентации. Во-вторых, философ выступает против эпистемологических замечаний относительно достоверности исторического знания: если нас интересует, следует ли верить исторической репрезентации, мы должны обращаться к аргументам, использованным историками [6, р. 296]. Отвечая на данные комментарии, Данто отмечал, что Анкерсмит, выдвигая идею репрезентаций ключевой в эссе, использовал идеи, которые являются более поздними [17, р. 192–193]. Подобное толкование может быть связано с тем, что Анкерсмит обращается к более поздним работам философа, посвященным, прежде всего, искусству.

История искусства, по мнению Данто, закончилась, что связано с окончанием единственного возможного повествования о ней. Плюрализм обозначает окончание великих нарративов, конец возможности любого определенного внутреннего направления и прогрессивного развития, которое принимает искусство. Искусство, конечно, продолжает существование, но не существует нарративного направления и метанарратива для будущей истории искусства [15]. По большей части, исторические нарративы не принадлежат событиям, которые они описывают, даже если их авторы были частью них. Гегель полагал, что он писал философию о той же истории, в которой он находился, тем самым философское сознание в его нарративе было связано с ее окончанием. История, как он ее видел, заканчивается в признании, что все являются свободным. Подобное видение нарратива предлагал и Маркс: конец истории, когда классовые конфликты решены, а выжившие могут спокойно заниматься охотой, рыбалкой или литературным критицизмом в том мире, что заканчивается. Сходным образом утверждение, что история искусства заканчивается, реализуется в декларировании артистической свободы и невозможности существования дальнейшего

обширного нарратива [13]. Следовательно, в «После окончания искусства». Данто использовал историцизм Гегеля, совместимый с его собственными взглядами на историографию и общими аналитическими установками при наличии специального условия: конец истории искусства уже произошел. Вместе с тем, подход Данто является частично гегельянским. Для Гегеля оканчивается как история сама по себе, так и история искусства. Для Данто история искусства заканчивается, но истории как таковая не прекращается [9, р. 17].

Подобная философская концепция стимулировала дальнейшее развитие дискуссий об истории и нарративе. Так, Д. Карриер полагал, что воззрения Данто относительно действий и знаний являются, в сущности картезианскими, однако наличие эстетики в историческом измерении говорит о некотором специфическом роде историцизме его концепции [8, р. 8–9].

Итак, Данто предлагал аналитический подход к философии истории, в рамках которого исследуются логический статус исторических высказываний, темпоральные индикаторы в языке, нарративные предложения и нарративы, составленные из них. Несмотря на ориентацию, прежде всего, на аналитическую философию, Данто обращался и к континентальным философам, таким как Д. Юм, Р. Декарт, Дж. Беркли, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ницше. Философия А. Данто, в целом, претерпела определенные изменения в границах философии искусства. Продолжая использовать методологические установки и терминологический аппарат аналитической традиции, философ обращается к телеологическому видению истории Гегеля, применяя его в пределах истории искусства. Хотя нарратив отчасти подразумевает эстетические импликации, так как в нем события связываются в некоторые целостности, повествование, как оно представлено у Данто, связывается с процессом познания, методами получения знания и организацией полученного в соответствии с определенными моделями и установками. Возможность истинных высказываний о прошлом и понимание значения события, предусматриваемые в нарративе, также связано с когнитивной сферой. Репрезентация также определенным образом сопряжена с когнитивными способностями индивида, поскольку связана с выявлением идентичности в терминах того, что осталось позади, прошлым, вытесненным чем-либо. То, как человек отображает мир, никогда не может быть частью репрезентаций самих по себе; человек видит мир, посредством репрезентаций, но не сами репрезентации.

Библиографический список

1. Ануфриева К.В. А. Данто: наррация и исторические миры // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2018. № 2. С. 144–156.
2. Артур Данто // Философия истории после постмодернизма / под ред. Э. Доманска. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. С. 236–266.
3. Данто А. Космополитический алфавит искусства // Американский философ: Джованна Боррадори беседует с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, Макинтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис. 1999. С. 106–125.
4. Потамская В.П. Философия А. Данто: проблема исторического нарратива // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 4 (58). С. 238–248.
5. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
6. Ankersmit F.R. Danto, History and the Tragedy of Human Existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N.Y.:

- Columbia University Press, 2007. P. 175–197.
7. Ankersmit F.R. Meaning, Truth and Reference in Historical Representation. Ithaca; N.Y.: Cornell University Press, 2012. 264 p.
  8. Carrier D. Danto and his Critics: After the End of Art and Art History [Electronic resource]. URL: <https://kirkbrideplan.files.wordpress.com/2012/07/danto-and-his-critics-after-the-end-of-art.pdf> (accessed 03.10.2021).
  9. Carrier D. Danto as Systematic Philosopher or comme on lit Danto enfrançais // Danto and his Critics / edited by M. Rollins. Oxford: Blackswell, 1993.P. 13–27.
  10. Danto A.C. Analytic Philosophy of Action. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. 226 p.
  11. Danto A.C. Art and Analysis [Electronic resource]. URL: <https://www.radicalphilosophy.com/interview/arthur-c-danto-art-and-analysis> (accessed 06.10.2021).
  12. Danto A.C. The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // The New Philosophy of History / edited by F.R. Ankersmit, H. Kellner. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70–85.
  13. Danto A.C. The End of Art: a Philosophical Defense [Electronic resource]. URL: <http://home.earthlink.net/~stephensnyder/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/dantodant-oconference.pdf> (accessed 24.03.2021).
  14. Danto A.C. The Transfiguration of the Commonplace. Cambridge: Harvard University press, 1981. 212 p.
  15. Danto A.C. The Transfiguration Transfigured. Concluding Remarks [Electronic resource]. URL: <http://home.earthlink.net/~stephensnyder/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/dantodant-o-conference.pdf> (accessed 14.05.2021)
  16. Kitcher P., Immerwahr D. History and the Sciences // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N. Y.: ColumbiaUniversityPress, 2007. P. 198–238.
  17. Response Danto on Ankersmit F.R. Danto, History and the Tragedy of Human Existence // Action, Art, History: Engagements with Arthur C. Danto / edited by D. Herwitz, M. Kelly. N. Y.: Columbia University Press, 2007.P. 190–197.

THE PROBLEM OF HISTORICAL REPRESENTATION IN A. DANTO'S PHILOSOPHY

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

Abstract. *It reveals that the key concepts of Danto's philosophy of history are «narrative» and «narrative sentences» have two main functions: description and explanation. Turning to the problem of representation, including historical, Danto considers language as being in external relations with reality in its entirety: on the one hand, there is a world, and on the other hand, the language used to speak about it. It is noted that the ways of representing the world are included in the explanation of actions, since people will act differently in conditions that differ insofar as their representations differ. The language of representation is characterized by the intentional context, which has the following feature: the words used in these statements do not correspond to what they are usually associated with in nonintentional discourse.*

Key words: *history, representation, philosophy of history, narrative.*

Об авторе:

ПОТАМСКАЯ Вера Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, SPIN-код: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru.

About the author:

POTAMSKAYA Vera Pavlovna - candidate of philosophical sciences, associate professor of the department of media technologies and public relations of the Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 3657-9312, e-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 930.1; 1(091)

ПРОБЛЕМА УТОПИИ В РАБОТАХ И. БЕРЛИНА

В.П. Потамская

Тверской государственный технический университет, г. Тверь

© Потамская В.П., 2022

DOI 10.46573/2409-1391-2022-3-16-22

Аннотация. *В контексте обсуждения монизма, свойственного западной философии, Берлин обращался к утопическому идеалу, принимавшего различные социальные и политические формы. Он отмечал, что все утопии, составляющие западное философское наследие, объединяют сходные элементы: представление об идеальном гармоничном статичном обществе, приписывание всем людей неизменной природы, определенной универсальными, общепринятыми целями, которые были полностью реализованы. Одним из общих предположений большинства западных мыслителей, как отмечает Берлин, является предположение, что истинные ответы представляют собой сокрытое сокровище, а единственная проблема состоит в том, чтобы обнаружить к нему путь и создать общество истины, добродетели и счастья. Берлин подчеркивал, что сама по себе вера в возможность осуществления высшей гармонии ошибочна, а понятие совершенного общества и идеального состояния не только неосуществимо, но и непоследовательно, поскольку человеческие ценности не могут не противоречить друг другу.*

Ключевые слова: *история, интеллектуальная история, утопия, монизм, плюрализм*

Исайя Берлин – английский философ, историк идей, один из основателей современной либеральной политической философии. В определенном смысле Берлина можно считать наследником англо-американской аналитической традиции, которая, в толковании Б. Уильямса, представляет собой сложившийся стиль мышления, характеризующийся последовательной аргументацией и относительно ясным языком [3, с. 171]. При этом, по словам Д. Грея, Берлин привносил в британское наследие русские и еврейские подтексты: достоинство, умеренность, сомнения и чувство трагедии [10]. В представлении Берлина, интеллектуальная история является историей